

Т. Н. Дмитриева, Т. И. Щербакова

**ЖИВОТНЫЕ В ЧУКОТСКИХ СВЯЗКАХ
СЕМЕЙНЫХ ОХРАНИТЕЛЕЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ И. П. ЛАВРОВА)**

Одной из главных семейных святынь чукчей наряду с огнивыми досками и бубнами были связки домашних охранителей.

Амулеты-охранители, существовавшие у чукчей — кочевых оленеводов и оседлых морских зверобоев, могли быть как личными, так и семейными. Личные охранители по внешнему виду и приписываемым им свойствам были сходны у тех и у других. Семейные охранители — *тайныквут*, представляющие собой такие же амулеты, но собранные в связки, были тесно связаны с хозяйственной жизнью семьи, и поэтому их значение различалось у оленеводов и морских охотников. У оленеводов охранители считались магическими защитниками оленьего стада. Морским охотникам эти амулеты обеспечивали охотничью удачу. Но и у тех и у других семейные охранители представляли собой святыню, от которой, как считалось, зависело благополучие семьи. Также они имели много общего по форме [Богораз 1939: 46, 58 и след., 66; Горбачева 1993: 161].

В качестве амулетов-охранителей у чукчей служили различные предметы, как найденные природные объекты, так и сделанные самими людьми. Это могли быть камни, имеющие необычную форму или найденные при особых обстоятельствах, черепа животных, кусочки меха, клювы и другие части животных, антропоморфные изображения, вырезанные из дерева, кожи, части погребальной одежды умершего, деревянные изображения животных и их голов и другие предметы [Богораз 1939: 47–48, 58, 60, 66–68, рис. 37, 49–52, 56–60].

Объединение этих предметов в связки, как полагал В.Г. Богораз, обуславливалось попросту удобством их хранения [Богораз 1939: 58]. При этом, как он указывал, в их расположении в связке не заметно определенного порядка. Сочетания охранителей могли быть различными. «Порядок размещения зависит от случайных указаний, полученных их владельцем во сне, при встрече

с диким зверем и от прочих магических поводов или же от приказа старика либо шамана» [Там же: 60].

«Механизм» защитного действия этих охранителей у чукчей и коряков таков: в случае необходимости амулеты превращаются в то животное или птицу, частью которого они являются [Богораз 1939: 49] и используют своиственные им качества — силу, ум, хитрость и прочее — для защиты своих хозяев. Магическая сила амулетов, по представлениям чукчей, происходит от произносимых над ними заклинаний, поэтому старинные охранители и амулеты обладают большой силой — над ними было произнесено большое количество заклинаний [Там же: 145]. В сказках чукчей в качестве охранителей от злых духов выступают даже предметы утилитарного назначения — лыжи, посох, брусоч-точило, к которым герой обращается с просьбой о защите и которые после этого действуют как живые существа, сознательно и осмысленно [Меновщиков 1974: 255–257].

Связки семейных охранителей, как и огнивные доски, переходили по наследству от поколения к поколению и в случае увеличения семьи делились между родственниками. Они воспринимались как сопричастные самому жилищу и всем его принадлежностям. При этом, как писал В.Г. Богораз, не считалось слишком большим грехом отдать некоторые из них чужому человеку (ему удалось получить у чукчей несколько связок охранителей). Однако вносить в свое жилище чужие священные предметы было недопустимо [Богораз 1939: 62–63].

Семейные охранители, как и все другие домашние священные предметы у чукчей, находились на попечении женщин. Именно женщины хранили домашние святыни, «кормили» их кровью и жиром. Именно женщинам лучше известны заклинания и обряды, связанные с домашними охранителями [Богораз 1939: 63, 74].

Связки семейных охранителей были обязательными «участниками» регулярных праздников годового цикла, а также благодарственных жертвоприношений и других обрядов [Богораз 1939; Вдовин 1977: 159–162; Кузнецова 1957: 271 и след.].

Во время этих праздников связки семейных охранителей доставали из мешков, в которых они хранились, раскладывали или развешивали вокруг места совершения обрядов, «кормили», смазывая их жиром и костным мозгом [Богораз: 75–76; Вдовин 1977: 162; Кузнецова 1957: 271, 277–280].

В процессе совершения праздничных обрядов к связкам могли добавляться новые детали: куски сучьев, которыми были прикрыты рога оленей на празднике рогов [Богораз 1939: 78], пучки шерсти, взятые с оленьего подгривка во время праздника убиения дикого оленьего быка [Там же: 80], и т.п.

В фондах Государственного музея истории религии хранятся несколько чукотских связок семейных охранителей. Они происходят из коллекции, собранной И.П. Лавровым в приморских поселках Чукотки в 1939–1940 гг. И.П. Лавров, искусствовед и художник, сотрудник московского НИИ Художественной промышленности, был направлен в 1939 г. на Чукотку по договору с отделом культуры Главсевморпути для изучения изобразительного искусства чукчей и эскимосов. Там он работал преподавателем рисования

в школе-интернате при культбазе на заливе Лаврентия и заведовал Домом народов Севера [Щербакова 2004: 88–89]. Собранная им коллекция культовых предметов чукчей и эскимосов (137 ед.) была в 1941 г. передана в Центральный антирелигиозный музей Москвы, после расформирования которого она попала в ГМИР. Другая часть собранной тогда же коллекции, включающая деревянные и костяные фигурки, являющиеся как детскими игрушками, так и культовыми предметами, а также произведения декоративно-прикладного искусства, передана им в Музей игрушки в г. Загорске (ныне Сергиев Посад). Один предмет, имеющий отношение к сборам И.П. Лаврова, находится ныне в музее «Наследие Чукотки» в г. Анадыре¹.

Предметы коллекции происходят из ряда селений берингоморского побережья — Раупелян, Лорино, Аккани, Мечигмен, Уэлен и др., но не всегда были получены непосредственно от местных жителей. Так, связки семейных охранителей и другие предметы, происходящие из Аккани, как указывает И.П. Лавров, были переданы ему председателем Акканийского сельсовета Тигрелькутом. «Вещи были собраны у населения по постановлению сельсовета и подлежали уничтожению. <...> Передавая мне эти “шаманские атрибуты”, Тигрелькут сказал, что жители селенья без всякого принуждения сами принесли их в сельсовет, как ни на что негодный хлам, во многих семьях уже уничтоженный, а кое-где валявшийся без всякого внимания и применения. Надо сказать, что сел. Аккани является одним из культурных селений района. Молодежь селения полностью охвачена школьным обучением. Взрослые посещают курсы ликбеза» [Лавров 1941: 13–14]. Таким образом, к сожалению, И.П. Лавров далеко не всегда мог получить необходимую информацию, связанную с собранными предметами.

В коллекции имеется четыре полных связки семейных охранителей и два предмета, которые, как полагал собиратель, входили в состав таких связок. В каждой из них имеются изображения и/или части животных².

1. Связка семейных охранителей. Поселок Аккани. Инв. номер ГМИР: А-354-1, номер по коллекционной описи И.П. Лаврова: Чук. 40/58 (рис. 1).

В связку входит хорошо сохранившийся вываренный череп рыси с нижней челюстью, которая прикреплена к черепу обхватывающей его ременной петлей (определение н.с. ИИМК РАН Н.Д. Буровой и ст.н.с. ЗИН РАН к.б.н. М.В. Саблина). Петля имеет особую конструкцию. Она представляет собой часть ремня, равную по размеру длине обхвата черепа, и сшита сухожильными нитками на затылке. Ремень имеет меньшую ширину в том месте, где он проходит под нижней челюстью. На ремне имеется несколько продольных прорезей, в две из них входят концы нижней челюсти.

В затылочной части черепа справа имеется большое отверстие, сделанное в то время, когда предмет функционировал в культурном контексте, воз-

¹ Сводный каталог коллекции, виртуально объединивший ее части, находящиеся в трех музеях, а также данные о ее собирателе И.П. Лаврове, опубликованы в 2011 г. в виде компьютерного диска «Чукотка — родина морских зверобоев», созданного Т.И. Щербаковой (идея, сценарий, текст) и Е.Б. Залмановым (дизайн, анимация, монтаж).

² Выражаем глубокую благодарность н.с. ИИМК РАН Н.Д. Буровой и ст.н.с. ЗИН РАН к.б.н. М.В. Саблину за неоценимую помощь в определении костных остатков животных.

Рис. 1. Связка с черепом рыси и копытами
снежного барана.
Поселок Аккани. Инв. номер ГМИР А-354-1

мех рыжего цвета. По определению М.В. Саблина, это копытца от одной особи. Они соединены попарно жильной нитью, пропущенной между верхними частями фалангам, причем одну пару составляют передние, а вторую — задние. Размеры: первая пара — 10,5 и 11 см, вторая пара — 10,5 и 8 см.

Кроме остатков животных к связке у самого черепа веревкой, сплетенной в виде косички из растительных волокон, привязан широкий ремень с продольными прорезями, такими же, как на петле на черепе, сложенный в несколько раз и перевязанный этой же веревкой. Длина свертка 5,3 см, ширина 2,3 см.

Поверхность черепа имеет следы органического вещества бурого цвета. На остальных частях связки какие бы то ни было следы покрытия поверхности отсутствуют.

Судя по характеру соединений, связка состоит из следующих предварительно объединенных частей: череп и нижняя челюсть с опояской, связанные попарно копытца, свернутый ремень.

2. Связка семейных охранителей. Поселок Аккани. Инв. номер ГМИР: А-355-1, номер по коллекционной описи И.П. Лаврова: Чук. 40/59 (рис. 2).

можно, для извлечения мозга. Сохранились все зубы, за исключением нескольких резцов верхней и нижней челюсти, которые, скорее всего, утрачены уже после изъятия предмета из культурного контекста.

Обе ветви нижней челюсти соединены в анатомическом порядке и туго и аккуратно связаны в несколько оборотов чуть ниже клыков тонкими сухожильными нитками.

Размеры черепа: длина 13,2 см, высота 5 см, ширина 9,2 см.

Затылочная часть черепа обвязана такой же жильной ниткой. Эта нить привязана к сыромятному ремню, который, в свою очередь, привязан к ремненной петле, опоясывающей череп. К другому концу этого ремня привязана связка из четырех отчлененных мумифицированных копытных частей ног снежного барана (определение ст.н.с. ЗИН РАН к.б.н. М.В. Саблина). На копытцах сохранился

В связку входят следующие составляющие.

Отдельную часть связки составляют три антропоморфные фигурки, представляющие собой развилки древесных веток. Концы их тщательно подрезаны. Вокруг верхних концов, обозначающих голову, сделаны кольцеобразные бороздки. Сплетенная из жил в виде косички веревка опоясывает верхние концы всех развилок, располагаясь в кольцеобразных углублениях. Две фигурки связаны этой веревкой между собой. Третья привязана к ним тонкой жильной нитью.

К плетеной веревке, соединяющей фигурки, привязан сыромятный ремень, к которому, в свою очередь, привязана длинная петля из разрезанной вдоль полосы выделанной кожи, ее свободный конец завязан «скользящим» узлом и заканчивается расширенной цельной более широкой частью. На этом конце имеется изображение антропоморфного существа анфас, основное место в котором занимает лицо. Глаза и нос выполнены в виде проколов, рот — в виде прорези. Нижняя часть оформлена в виде бахромы, условно изображающей руки и ноги. Длина всей петли 28 см, ширина «лица» 2,9 см.

К связке фигур-развилок привязан еще один сыромятный ремень, на конце которого завязана широкая петля. К этой петле свободным простым узлом привязан другой такой же сыромятный ремень. К одному его свободному концу пришта кожаная развилка с остатками бурого меха на одном ответвлении. К другому концу ремня привязана деревянная фигурка собаки. Этим ремнем фигурка обмотана в несколько оборотов. Кроме того, ее туловище отдельно обмотано более тонким ремнем. Длина фигурки 9,2 см, ширина 1,6 см, высота 2,1 см.

Все предметы связки, кроме ремня с антропоморфной фигурой на конце, имеют на поверхности следы черного органического вещества.

Рис. 2. Связка с антропоморфными изображениями и собакой.
Поселок Аккани. Инв. номер ГМИР А-355-1

3. Связка семейных охранителей. Поселок Аккани. Инв. номер ГМИР: А-356-1, номер по коллекционной описи И.П. Лаврова: Чук. 40/61 (рис. 3).

В связку входят следующие предметы.

Смотанный в несколько оборотов сыромятный ремень, конец которого образует петлю. К петле привязана полоса ткани, связанная с другой полосой ткани, к которой шпагатом привязан обтянутый кожей овальный предмет неизвестного происхождения размером 5,8×4,8×2,7 см. На каждой его стороне на кожаном покрытии рельефно изображена антропоморфная фигура, расположенная в круге.

Также в связке имеются следующие предметы: кожаный, отороченный мехом круг (7×8 см); плоский деревянный четырехугольный предмет, обвязанный жильной нитью, размером 5,9×4,8×1 см; маленький круглый кожаный сосуд диаметром 3,8 см и высотой 1,2 см; ружейная гильза (длина 5,3 см, диаметр 1,2 см); отрезок плетеной веревки с бусинами и кисточками на конце; перепутанные отрезки ремня, жильных ниток, шпагата.

Имеются два антропоморфных скульптурных изображения, вырезанные из дерева. Одно из них, возможно, мужское, высотой 6,1 см, шириной 2,1 см, без рук, с отдельным изображением ног. Другая фигурка, возможно, женская, высотой 5,6 см, шириной 2,1 см, также без рук, с обобщенным изображением нижней части туловища. У обеих скульптур головы переданы в виде шариков, но лица не проработаны. Второе изображение обвязано кусочком кожи, но к связке привязано с помощью шпагата, обвязывающего «шею».

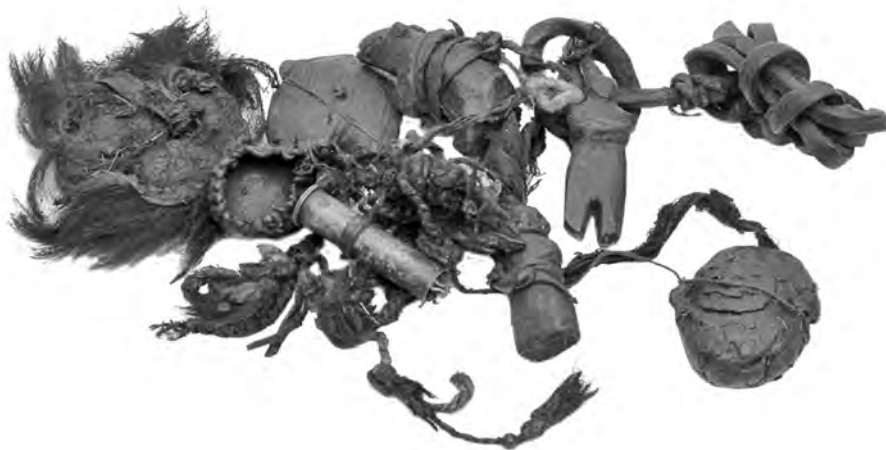

Рис. 3. Связка с фигуркой медведя. Поселок Аккани. Инв. номер ГМИР А-356-1

Также из дерева вырезано скульптурное изображение медведя (рис. 4). Фигурка сильно стилизована, так что сложно определить, бурый это медведь или белый. Обозначены голова, уши, рот. Спина прямая, скругляется к задним конечностям, которые длиннее и массивнее передних. Конечности изображены двояными попарно в виде выступов. Хвоста нет. Длина 6,7 см, ширина 2,2 см, максимальная высота 3,1 см.

Все соединения — веревки, ремни, шпагат, полоски ткани — перепутаны друг с другом.

Рис. 4. Фигурка медведя — фрагмент связки А-356-I

Все предметы связки обмазаны органическим веществом до образования на их поверхности значительной корки черного цвета.

4. Связка семейных охранителей. Поселок Лорино. Инв. номер ГМИР: А-357-I, номер по коллекционной описи И.П. Лаврова: Чук. 40/60 (рис. 5).

В связку входят следующие предметы.

Череп песца (определение н.с. ИИМК РАН Н.Д. Буровой) с нижней челюстью и сохранившимся мумифицированным кожным покровом, длина 12,7 см, высота 5,7 см, ширина 6,7 см. Череп обмазан каким-то органическим веществом, прочно удерживающим нижнюю челюсть в прижатом к верхней состоянии и сглаживающим особенности рельефа поверхности. Между передними зубами пропущен тонкий шпагат, которым череп прикреплен к связке.

Два смотанных сыромятных ремня, задубевших и перепутанных.

Овальный плоский камень, обшитый кожей (7,9×6×2,9 см).

Цилиндрическое кожаное ведерко (высота 7,5 см, диаметр дна 4,5 см).

Имеются две фигурки животных, вырезанные из дерева. Первая фигурка — обобщенное и стилизованное изображение ластоного (рис. 6). Изображена голова и две выступающие вперед передние конечности. Веретенообразное туловище равномерно сужается и уплощается к задней части. Задние конечности изображены как ласты — они раздвоены и уплощены, располагаются в той же плоскости, что и само туловище. Фигурка обмотана жильной нитью, но к связке прикреплена с помощью шпагата. Размеры: длина 8,2 см, ширина 2,2 см, высота 2,2 см.

Вторая фигурка — изображение белого медведя (рис. 7). Она тоже выполнена обобщенно и стилизованно. Фигурка непропорционально вытянута в длину. Медведь имеет ровную горизонтально изображенную спину, вытянутую вперед голову с рельефно переданными ушами. Конечности сведены попарно и переданы четырехугольными выступами одинаковой высоты. Сзади изображен маленький хвостик. Фигурка обвязана сразу за передними конечностями тонким ремешком, но к общей связке прикреплена шпагатом. Размеры: длина 9,7 см, ширина 2 см, высота 3 см.

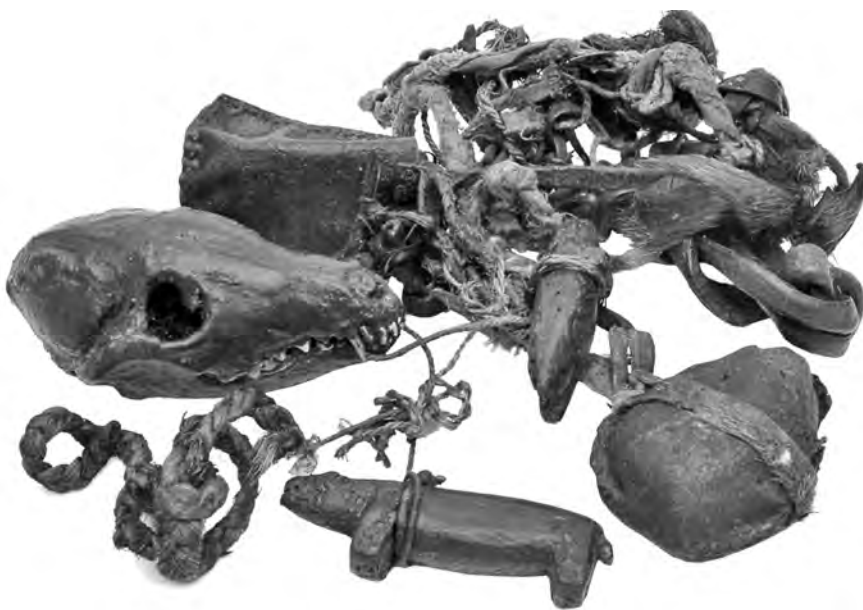

Рис. 5. Связка с черепом песка и двумя фигурками животных.
Поселок Лорино. Инв. номер ГМИР А-357-1

Рис. 6. Фигурка ластоногого —
фрагмент связки А-357-1

Рис. 7. Фигурка медведя — фрагмент связки
А-357-1

Все соединения связки — веревки, шпагат, ремешки, жильные нитки — перепутаны и представляют собой клубок. Все части связки покрыты черной коркой органического вещества. Деревянные изображения повреждены жучком.

5. Часть связки семейных охранителей. Поселок Аккани. Инв. номер ГМИР: А-386-І, номер по коллекционной описи И.П. Лаврова: Чук. 40/72 (рис. 8).

Связка включает деревянную фигурку животного и камень, связанные ремешком. Фигурка животного, возможно, собаки, выполнена тщательно, но обобщенно. Небольшая голова с короткой сужающейся мордой, уши переданы рельефом, глаза и рот не изображены. Спина прямая, переходящая в слегка изогнутый толстый хвост. Конечности в виде четырехугольных выступов сведены, но разделены врезами. Размеры фигурки — длина 7,5 см, ширина 1,2 см, высота 2 см. Сразу за передними конечностями привязан тонкий ремешок (длиной 12–13 см), к другому концу которого прикреплена округлая плоская галька с естественным отверстием (размеры 4,8×4,2×0,9 см).

Рис. 8. Фрагмент связки. Поселок Аккани. Инв. номер ГМИР А-386-І

6. Фигурка из связки семейных охранителей — собака. Поселок Лорино. Инв. номер ГМИР: А-387-І, номер по коллекционной описи И.П. Лаврова: Чук. 40/123 (рис. 9).

Скульптура вырезана из дерева и имеет обобщенные очертания. Голова на удлиненной горизонтально вытянутой шее, чуть наклоненная, слабо моделирована. Спина слегка выпуклая, переходит в короткий толстый хвост. Конечности объединены попарно и изображены в виде обобщенных четырехугольных выступов. Тонкий ремешок обвязан вокруг шеи и за передними конечностями. Видимо, представляет собой фрагмент связки семейных охранителей. Фигурка обмазана органическим веществом до образования черной корки.

В комментариях И.П. Лаврова, сопровождавших его полевую опись, есть сведения о том, что кроме взятых им в коллекцию связок семейных охранителей среди вещей из поселка Аккани «имелись черепа белых медведей 6 штук

Рис. 9. Фигурка собаки — фрагмент связки. Поселок Лорино.
Инв. номер ГМИР А-387-1

(к одному из медвежьих черепов была прикреплена крупная красная бусина), 2 ворона целиком (высохшие трупы), только у одного были оторваны ноги, 3 головы, связанных с когтями полярной совы, несколько <штук — *зачеркнуто*> голов ворона. Черепа и трупы я не имел возможности везти в виду их громоздкости, и они были уничтожены» [Лавров 1941: 13–14].

Череп белых медведей и головы воронов у чукчей также выполняли функции семейных охранителей (см., напр.: [Кузнецова 1957: 270–272]). У коряков в качестве семейных оберегов также использовались черепа медведей, хранившиеся вместе со связками семейных охранителей. Причем к черепу медведя прикрепляли маленький деревянный ножичек или курительную трубку, к черепу медведицы — бисерную серьгу или иголку [Горбачева 2004: 71–72]. Можно предположить, что упомянутый И.П. Лавровым череп с прикрепленной к нему бусиной принадлежал медведице.

Таким образом, в каждой из входящих в коллекцию связок семейных охранителей и их фрагментов имеются либо части животных, либо их изображения, либо сочетания того и другого. Но если части животных можно объективно определить (в чем нам любезно помогли н.с. ИИМК РАН Н.Д. Бурова и с.н.с. ЗИН РАН к.б.н. М.В. Саблин), то отождествить деревянные скульптурные изображения животных с каким-то определенным зоологическим видом оказывается сложнее. Деревянные фигурки, как упоминалось в описании, выполнены обобщенно. Техника резьбы по дереву, которая развита у чукчей в меньшей степени, чем резьба по кости, как и стилистические особенности изображений, в ряде случаев препятствуют однозначному узнаванию животного.

Узнавание кроме того затрудняется поврежденностью некоторых фигурок жучком, а также тем, что они покрыты коркой органического вещества.

В нашем случае проблемы возникли с узнаванием вида ластоногого из связки А-357-1 (рис. 6). Голова фигурки повреждена жучком, поэтому очер-

тания ее весьма неопределенны. Передние конечности обозначены двумя выступами, так же, как обычно передаются конечности наземных животных. Скорее всего, фигурка изображает тюленя или нерпу, о чем говорит форма задней части туловища: конечности обобщенно отмечены в плоскости туловища при помощи небольшого разреза, как бы вытянутыми назад.

В этой же связке имелась фигурка, которую мы предположительно отождествили с белым медведем, хотя общая форма тела сходна и с изображениями собаки. В пользу медведя, и именно белого, говорит отчетливо выраженный короткий хвостик (рис. 7). У бурого медведя хвост почти незаметен. У собаки хвост обычно передается длинным и толстым. Кроме того, эта фигурка сходна с более реалистической и мастерски выполненной скульптурой белого медведя из кости [Богораз 1901: табл. XX, рис. 4].

Фигурка же из связки А-356-1 (рис. 4) вполне может обозначать как бурого, так и белого медведя.

В трех случаях в связках присутствует изображение собаки. Собака часто присутствует в связках, упоминаемых в литературе, и узнаваема благодаря небольшой вариативности очертаний. Это касается как изображений, имеющих в коллекции, так и опубликованных рисунков аналогичных фигурок (см., напр.: [Богораз 1939: 51, рис. 42 б; 58, рис. 49 с. 66, рис. 56 с]). Кроме того, относительно двух отдельных фрагментов связок с фигурками собаки есть непосредственное указание собирателя. Хотя одна из них (рис. 8), на наш взгляд, очень напоминает песца.

Возникает также вопрос о степени типологической близости имеющих в коллекции связок с аналогичными амулетами оленных или приморских чукчей. Как указывал В.Г. Богораз, семейные охранители целиком связаны с хозяйственной жизнью людей [Богораз 1939: 46]. Набор составляющих амулеты предметов может указывать на преимущественное занятие их владельцев.

Связки А-356-1, содержащая фигурку медведя, и А-357-1, содержащая череп песца и фигурки белого медведя и тюленя, в целом сходны с семейными охранителями, опубликованными В.Г. Богоразом [Богораз 1939: рис. 37, 49].

Связка А-355-1, содержащая три антропоморфных фигурки и фигурку собаки, очень сходна с описанными В.В. Горбачевой семейными амулетами оленных чукчей из коллекции РЭМ. Эти амулеты также включали деревянные фигурки из сучков тальника или березы — *оккамак*, которые символизируют «пастухов», помогающих деревянному огниву охранять стадо [Горбачева 1993: 156]. В одной из связок с антропоморфными фигурками присутствует и деревянная фигурка собаки [Там же: 159].

Совершенно необычна связка А-354-1. Она содержит части животных, нехарактерных для прибрежных районов, — рыси и снежного барана. Рысь — лесной хищник, но заходит в тундру по лесистым долинам рек. Снежный баран обитает в нагорных областях в отдалении от побережья. На основании состава связки, который отражает образ жизни ее владельцев, можно предположить, что она принадлежала скорее семье оленеводов, чем приморских жителей, несмотря на то что была собрана в прибрежном поселке. Встреча с такими животными, как рысь, более вероятна для кочующих оленеводов. На-

пример, В.Г. Кузнецова отмечает, что оленеводы совершали поездки к местам нахождения лесных массивов (бассейны рек Колымы и Анадыря), вынуждаемые к этому неблагоприятными пастбищными условиями в обычных местах их обитания [Кузнецова 1957: 286]. И.С. Вдовин также пишет о том, что около четверти всех оленных чукчей — преимущественно крупные стадовладельцы — проводили лето со своими стадами в горах. Они выпасали оленей по притокам верхнего и среднего течения Анадыря, в верховьях Большого Анюя, на водоразделе рек Погынден и Большой Баранихи, в верховьях Олоя и других правых притоков Омолона [Крушанов 1987: 57–58]. Во время таких кочевков люди могли сталкиваться и с рысью, и со снежным бараном. В.Г. Богораз описывает горного барана как одного из объектов охоты оленных чукчей. При этом он отмечает, что баран — не частый охотничий трофей, так как охота на него довольно сложна ввиду его большой чуткости и осторожности [Богораз 1901: 42]. О рыси как объекте охоты в разделе об охотничьих животных он не упоминает. Также не упоминает рыси и В.Р. Кузнецова, перечисляя животных, живущих на территории обитания чукчей [Кузнецова 1957: 290].

Интересно отметить, что рысь никак не отражена в чукотских верованиях и фольклоре, а снежный баран упоминается в сказках только как объект охоты (см., напр.: [Меновщиков 1974: 201]).

С другими животными, включенными в связки семейных охранителей либо упомянутыми И.П. Лавровым как находившиеся вместе с этими связками, связаны разнообразные верования, обряды и фольклорные сюжеты, в которых они фигурируют как действующие лица.

Наиболее часто предметом этих верований и обрядов является собака. Она же и распространенная «деталь» связок охранителей. «Среди охранителей у чукоч всегда находим и деревянное изображение собаки», — пишет В.Г. Богораз. Деревянное изображение представляет собаку, принадлежащую «главному хозяину» из связки охранителей. Он пользуется ею на охоте [Богораз 1939: 60, рис. 49]. Такое же значение, скорее всего, имела и собака из связки А-355-І. Вряд ли правомерно говорить, что это «помощница пастуха» [Горбачева 1993: 159] — у чукчей не было пастушеских собак [Крушанов 1987: 58], а ездовые «враждебны домашним оленям и ничуть не отличают их от диких оленей» [Богораз 1934: XXVIII].

Как указывал В.Г. Богораз, у чукчей «в религиозных верованиях и обрядах собака играет более важную роль, чем олень <...> Собака — хранитель человека, сильная помощь во всяком несчастье, верный друг, оберегающий человека от злого начала. При путешествии собака, как товарищ, отгоняет злого духа, между тем как олень не имеет такой силы. Во время заразных болезней надо потерять щенка об одежду гостей, приехавших издалека. Щенок или отгонит злых духов, которые могли притти с путником, или, если они слишком могущественны, по крайней мере, послужит искупительной жертвой» [Богораз 1934: 4]. Собака может служить очищающим существом и при других обстоятельствах. Например, отец новорожденного ребенка, перед тем как войти в свой шатер, в целях очищения от злых духов также должен потерять о свое тело маленького щенка. Собака побеждает всякое злое влияние [Богораз 1939: 176]. Эти же представления сохранились у чукчей и через

40 лет. И.П. Лавров, по своим наблюдениям в 1939–1940 гг., сообщает: «Часто случалось видеть, как детей, возвратившихся из школы-интерната на каникулы в селенья, прежде чем пустить в жилище, трут щенками» [Лавров 1945: 5]. Каждая собака — охрана от *келет*, она «прогоняет их от жилья или, если сама утрачена их силой, будит хозяина громким лаем и заставляет его убежать или принимать другие меры защиты, в зависимости от обстоятельств» [Богораз 1939: 16]. Пучки собачьей шерсти, прикрепленные к одежде, также играют охранительную роль [Кузнецова 1957: 274].

Считается, что собака может вернуть к жизни уже умершего человека [Богораз 1939: 151]. Для этого необходимо произнести заклинание, в котором человек просит сверхъестественное существо дать ему в помощники собаку, которую он посылает догонять умершего. Собака обгоняет его, лает, кусает и заставляет умершего вернуться обратно [Там же: 172].

Собака также является распространенным видом жертвы в самых различных случаях, но, главным образом, у оседлых чукчей. Ее приносили в жертву при обращении охотника к морю с просьбой об удаче на промысле (см., напр.: [Вдовин 1977: 131, 164, 165]). Принесенная в жертву собака также защищает от злых духов [Там же: 134, 165].

В двух связках представлены фигурки белого медведя. Кроме того, И.П. Лавров указывал на наличие шести черепов белых медведей, которые были изъяты в Аккани вместе с другими предметами культа, в частности с этими связками, но которые он не смог привезти [Лавров 1941: 13–14].

Белый медведь, являвшийся объектом охоты приморских чукчей, в их в верованиях и фольклоре имел двойственный характер — он мог быть помощником, защитником, а мог оказаться врагом человека.

Так, существовали представления о белых медведях-людоедах, которые плачущими голосами заманивают прохожих [Лавров 1941: 37], о гигантском и очень свирепом белом медведе — Кочатко [Богораз 1901: 45].

В облике белых медведей с огромными ушами колымские чукчи представляли себе злых духов *реккенг* [Богораз 1939: 15]. В одной из сказок говорится, что два реккенг привязаны у входа в жилище *келе* [Там же: 36]. В.Г. Богораз отмечает, что во многих чукотских сказках именно таким образом около жилищ располагаются медведи-охранители. И именно таким образом в случае ожидаемой опасности от злых духов люди располагают свои защитные амулеты в виде фигурок медведей [Там же: 51].

О таком расположении медведей-стражей говорится и в заклинании против злых духов: «Когда приходит вечер, я призываю с обеих сторон входа в мой полог по одному большому медведю и говорю так: “Вы такие большие и сильные! При вашей помощи ничего дурного не может со мной случиться”. Если *келет* попытаются проникнуть в шатер, медведи поймают их, так как они очень свирепые и злые» [Богораз 1939: 167].

Медведь призывается и в лечебных заклинаниях: «Если болит у меня живот, я зову медведя от Задней головы (звезда Вега) и привязываю его к моему животу. Тогда я говорю: “О медведь! Ты такой сильный. Оближи мой живот; оближи и укуси его. Твой укус облегчит и успокоит мою боль”» [Богораз 1939: 171].

Белые медведи могли выступать и как доброжелательные существа. Бытовало представление о том, что где-то на американском берегу живет «племя белых медведей с человеческими лицами и кроткими обычаями» [Богораз 1939: 37].

Белые медведи — частые герои чукотских сказок. В сказках белый медведь может выступать в качестве соперника и помощника человека. Есть сюжеты о браке между человеком и белой медведицей — «Белая медведица» [Меновщиков 1974: 232–238], «Белый медведь и человек» [Там же: 238–242]. Фигурируют в чукотском фольклоре и бурые медведи, которые выступают скорее как равноправные партнеры человека [Там же: 263; 288–289; 295].

В составе одной из связок находится обмазанная органическим веществом голова песца. По данным В.Г. Богораза, это распространенный элемент связок семейных охранителей [Богораз 1939: 60].

Песец служил обычным объектом пушной охоты. В честь убитого на охоте песца (как и других зверей — волка, медведя, россомахи, лисицы и пр.) совершались благодарственные жертвоприношения. Частью их было «поение» водой тушки зверя. До совершения обряда тушки в жилище вносить было нельзя. Убитые зверьки помещались вне яранги с северо-восточной стороны. Подстилкой и покрывалом служили олени шкуры. Кроме того, тельце убитого песца заворачивали еще в шкуру оленьего теленка, а под голову подкладывали священную огнивную доску. Обрядовой пищей служили продукты оленеводческого хозяйства — колбаса *porat*, олени кишки *nanuwgэ*, каша из оленьей крови и кишок *кивлет*, вяленое оленьё мясо и пр. Обрядовая пища размещалась на тушках песцов, а в головах ставились чашки с водой. Песцов «кормили» мелким жирным крошечком и кусочками колбасы *porat*, разбрасывая жертвоприношения на снег и обмазывая им мордочки жиром. Затем их «поили», обрызгивая водой из чашки. Хозяйка «кормила» огонь и огнивные доски. Завершением обряда было поедание присутствующими вынесенной из яранги пищи. После совершения обряда тушки песцов вносили в ярангу и хозяйка разделявала их [Кузнецова 1957: 290–292]. Возможно, черепа песцов именно после таких обрядов присоединялись к связкам семейных охранителей, хотя прямых указаний в литературе на это мы не встретили.

Песец — действующее лицо чукотского фольклора. Например, в сказке «Ёнавъчгын» он доброжелательный к человеку советчик, однако при этом хитрый и не упускающий собственной выгоды [Меновщиков 1974: 218–221]. Также песец выступает хитрым помощником людей, обманывающим медведей в сказке «Белый медведь и человек» [Там же: 241–242]. В распространенном у народностей Чукотки и Камчатки сюжете о песце, побеждающем медведей, он выступает как беззастенчивый обманщик, преследующий сугубо личные цели [Там же: 198–201, 337–338].

Тюлень, деревянное изображение которого имеется в одной из связок, в фольклоре упоминается только как объект охоты. Деревянные фигурки тюленей используются в магических целях привлечения добычи. Их привязывают между поплавками сети для ловли тюленей [Богораз 1939: 54]. Возможно, что и фигурка из связки семейных охранителей также могла иметь значение амулета, обеспечивающего удачу на промысле.

Таким образом, животные, включенные в связки, кроме конкретной, локальной значимости — повода, из-за которого они когда-то были включены в связки и которого мы никогда не узнаем, так как нет информации от реальных людей-владельцев, являются значимыми объектами в хозяйстве, обрядовой жизни и фольклоре чукчей.

Загадочной остается связка с рысью и снежным бараном. Отсутствие каких-либо данных о значении рыси в идеологической сфере чукчей заставляет предположить, что при формировании этой связки важную роль могла сыграть необычность и редкость этого животного, встреча с которым поразила охотника. Однако здесь мы, лишенные возможности получить достоверные данные от владельцев этого предмета, вступаем на зыбкую почву собственных домыслов.

Источники

Лавров И.П. Сведения по быту и религиозному культу чукоч и эскимосов Чукотского района, собранной И.П. Лавровым 1939–40 гг. // Архив ГМИР. Ф. 44. Оп. 1. Д. 16. 1941.

Лавров И.П. Описание коллекции игрушек из Чукотского национального округа // Архив Художественно-педагогического музея игрушки (г. Сергиев-Посад). Оп. 1. Д. 171. 1945.

Библиография

Богораз В.Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее Императорской академии наук // Сборник МАЭ. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1901.

Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Ч. I. Л., 1934.

Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Ч. II. Религия. Л., 1939.

Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник МАЭ. Т. XXXIII. Л., 1977.

Горбачева В.В. Семейные и личные охранители оленных чукчей в собрании РЭМ // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993. С. 154–161.

Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. СПб., 2004.

Крушанов А.И. (ред.) История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки. Л., 1987.

Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сибирский этнографический сборник II. М.; Л., 1957. С. 263–326. (Труды Института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. XXXV).

Меновицков Г.А. (сост.) Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, коряки и ительмены). М., 1974.

Щербакова Т.И. И.П. Лавров — собиратель чукотской коллекции Государственного музея истории религии // Труды ГМИР. Вып. 4. СПб., 2004. С. 85–92.